

Петр ТОДОРОВСКИЙ:

ПРОГЛОТИЛ ПИЛЮЛЮ, ОЧНУЛСЯ В РЕАНИМАЦИИ — В ГОЛОВЕ МЕЛОДИЯ

Знаменитый кинорежиссер Петр Тодоровский как композитор и музыкант известен не так широко. Хотя, если бы не война, и более удачное стечение обстоятельств, наверняка это имя сияло бы и на музыкальном небосклоне.

Не зная нот и никогда не учившись играть на гитаре, он легко подбирает и исполняет сложные джазовые композиции. Компакт-диск «Ретро вдвоем», записанный с аккомпанементом Сергея Никитина, прекрасно это продемонстрировал.

В следующем своем компакт-диске Петр Ефимович хотел продолжить эту линию и записать десяток-другой известных мелодий мирового кинематографа. Но как-то само пришло решение записать произведения, которые он сочинил к сценариям, так и не получившим воплощения на экране. Так родился альбом «Шальная карусель».

Собеседник Петра Тодоровского — известный бард Константин Тарасов.

— Зрители, в том числе и молодые, любят ваш фильм «Военно-полевой роман». Часть моей жизни прошла в эпоху коммуналок, мне это знакомо, а нынешние школьники ничего этого не знают, но фильм им близок...

— Я вам скажу проще, Константин. Когда в сюжете присутствуют узнаваемые человеческие чувства, такие, как любовь, доброта, преданность, предательство, очень общие и известные понятия, то можно снимать фильм о событиях тысячелетней давности — и это будет близко и понятно. То же самое, что и в литературе: писатель пишет исторический роман, берет хронологический материал в смысле каких-то отправных точек, но чувственный ряд он пропускает через себя, свой опыт. Или берет на вооружение опыт близких ему людей. Пишет образы, характеры. Нужен был бы мне персонаж лет сорока, взял бы я вас, Костю Тарасова, потому что я его немножко знаю, характер, повадки. Или вот, очень яркая личность — Григорий Поженян, потрясающий поэт, фронтовик и мой близкий друг. Я с него мог бы списать образ фронтового разведчика, этакого бесстрашного рубаха-парня с небольшим хулиганским уклоном.

Я ведь воевал, и военная тема для меня тоже биографична. Мне, например, очень хотелось снять фильм о встрече на Эльбе наших и американцев. Я был участником этих событий. Но появился фильм именно с таким названием, вы его знаете, и я почувствовал, что не надо повторяться. Хотя сценарий написал — «Оглушенные тишиной», и темы музыкальные придумал.

— Как рождается мелодия?

— Это импульсивная штука. Откуда что берется — одному Богу известно. Я не сижу и не конструирую никогда. Появился главный ход темы, а потом уже окончание, вступление, вокруг него что-то... Например, как появилась мелодия, которая на этом диске называется «Сердечная»? Я делал операцию на

сердце. Впервые в жизни. У меня были ранения, контузия, а тут разрешили грудную клетку. С вечера меня санитар побрил всего, намазал какой-то жидкостью, дал пилюлю и сказал: «В десять вечера проглотить». Я проглотил в десять вечера, открываю глаза — в реанимации. Но еще до того, как очнулся, в голове крутился один и тот же музыкальный ход. Назойливо, беспрестанно. Почему? Какое отношение он имел к моей операции, к немцам? Это все в Мюнхене было... По логике должна была появиться грустная мелодия, печальная. Я лежу весь уже не человек — состояние жуткое, начался кашель, не утихал сутки, и я думал, что лучше бы умереть. И вот — эта мелодия. Она даже немного веселенькая, по гармонии какая-то чуть-чуть сбита... Может быть, она в какой-то степени выразила то, что происходило в моем организме. Я же в принципе всегда был оптимистом, веселым человеком, не озабоченным карьерой, имиджем, всеми этими делами второстепенными...

— Вот, кстати, давайте поговорим о славе и известности. Мне иногда кажется, что человек заболевает славой, ему нужно все больше и больше аллодисментов. И если их не прибавляется, он начинает страдать.

— Это очень зависит от личности. Конечно, подпитка нужна, потому что это вдохновляет, укрепляет в каких-то своих позициях, если они у тебя есть. Но есть художники, которые, однажды создав действительно серьезное произведение, следующее бояться начинать десятилетиями. Боятся потерять свой имидж, снизить ту планку, которую они взяли с первого раза или со второго.

— Говорят, такое было с Чухраем.

— С Чухраем особая ситуация. Он заложил свой фундамент мощно: «Баллада о солдате», «Сорок первый», в меньшей степени «Чистое небо». Но он отдал десять лет жизни экспе-

риментальной студии, созданной на хозрасчетной основе. Именно на этой студии Даниеля снял «Не горюй», Лотяну — «Табор уходит в небо». Они получили за свои картины по 32 тысячи рублей — по тем временам колоссальные деньги. Наверху забеспокоились, и эксперимент прикрыли.

— Но ведь некоторые композиторы такие же деньги получали каждый месяц — за концерты, трансляции. Та же Пахмутова...

— И не только она. В 63-м или 64-м я работал в жюри кинофестиваля в Минске, и мы общались с Василием Павловичем Соловьевым-Седым. Он говорил, что у него бывали месяцы, когда за одну только песню «Подмосковные вечера» он получал по 25 тысяч. За одну песню, когда зарплата средняя по Союзу была 100 рублей. Но эту песню пел весь мир, не говоря уже о ресторанах и эстраде. Все было справедливо. Однако по отношению к кино действовали другие критерии.

— Для меня очевидно, что вы могли бы стать прекрасным профессиональным композитором, и для этого нужно немного: учиться с детства нотам, а потом бы пошло автоматически — училище, консерватория и так далее. Но судьба сложилась по-иному...

— Я об этом снял фильм «По главной улице с оркестром». Именно об этом.

— Главного героя прекрасно сыграл Олег Борисов. И полная иллюзия, что он неплохо владеет гитарой...

— Там есть один секрет режиссерский. Я хотел убедить зрителя, что герой не виртуоз, но действительно играет. Не аккомпанирует, по крайней мере, а играет, и не на одной струне, а гармонически сложные вещи. Поэтому пришлось прибегать к некоторым хитростям. Там есть сцена, где герой играет студентам на речном вокзале. Крупно очень снимали меня, без головы, естественно, в таком же костюме, как у Олега. Потом в кадр въезжала тележка, доверху нагруженная чемоданами. За тележ-

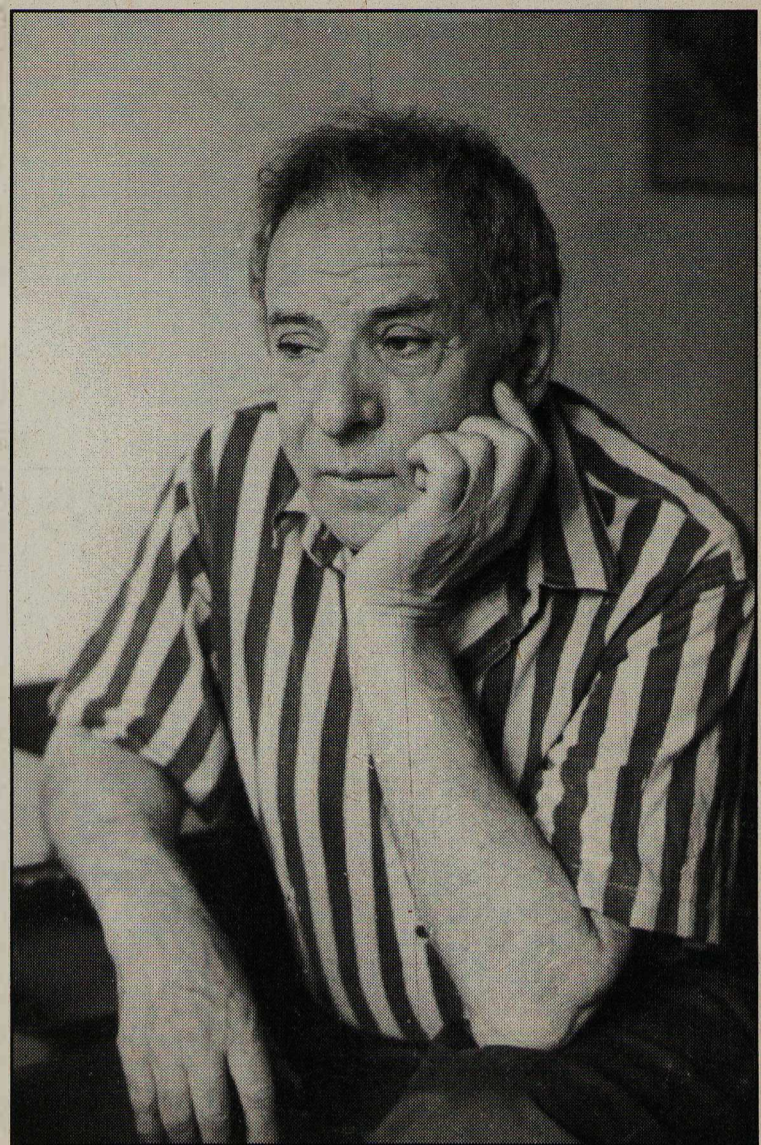

ФОТО АНДРЕЯ СТЕПАНОВА

кой я передавал Борисову гитару и уходил под ее прикрытием, а дальше продолжал Борисов под фонограмму. Еще одна сцена была, где хитрили таким же образом. Важно в одном кадре все снять, без остановки. Если сделаешь хоть одну монтажную перебивку, уже понятно — мог пересесть. А в этом фильме полная иллюзия. Кстати, там Борисов рассказывает, как поступал в Московскую консерваторию. Это абсолютная моя история. Пришел, не зная ни одной ноты.

— То есть как?

— Ну вообще-то, когда меня спрашивают про мое музыкальное образование, приходится рассказывать целую жизнь. Я родился в очень бедной семье. Нас было трое детей. Мы жили на Украине, 32 — 33-й год, жуткий голод. Чудом выжили. Потом, когда стало чуточку лучше, а в 33-м году мне было семь лет, я вытащил у отца, как сейчас помню, три рубля. Побежал на базар и купил балалайку. С этого началось мое музыкальное образование.

— А консерватория?

— Когда мы из Германии после войны вернулись, пошли смотреть самодеятельности: полковой, дивизионной, корпусной, армейской. Я во всех участвовал. Тем более, я на аккордеоне пикивал. Мой ординарец достал 120-басовый аккордеон где-то как раз на Эльбе. Сказал при этом замечательную фразу: «Товарищ лейтенант, вы все время что-то насвистываете. Я тут гармошку достал, может, попробуете?» И я как вцепился! Выучил «Огонек», потом нашел басы, потом стал сводить. Когда вернулись в Россию, я уже хорошо играл. Не Данилин, конечно, но прилично. Замполит нашей дивизии решил, что с такими талантами мне надо учиться в консерватории, и написал письмо следующего содержания: «Прошу принять лейтенанта Тодоровского на композиторский факультет». Зимой дал командировку, и я поехал. Зашел в консерваторию, по паркету в кирзовых сапогах цокаю,

цокаю. Смотрю: мальчики, девочки, с флейточками, скрипочками. Повернулся и ушел. Даже письмо не достал. Почувствовал, что это стыдно, неграмотно, по-деревенски как-то.

А потом, уже после армии, поступил во ВГИК — это тоже была давняя мечта, и началась другая жизнь. Хотя одно время пытался самостоятельно выучить ноты, накопил книжек, но так эту премудрость и не осилил. Меня до сих пор потрясает, когда человек сразу играет с листа, глядя на эти значки. Я же не профессионал, не могу записать придуманную музыку. Кстати, так и забылось много мелодий. Не записывал на магнитофон, а было время, когда и магнитофонов-то не было.

— Вместе с вами мы записали мелодию «Лунные всплески». Подзаголовок — к будущему фильму «В созвездии быка». О чем будет картина?

— Это давний замысел. В 1941 — 1942 годах я работал в глухой деревне, в 75-ти километрах от районного центра. Мальчишкой еще, мне было 16 лет. Работал на всех комбайнах, плугах, косилках, на лошадях, на верблюдах, черт знает на чем. И на быках, естественно. Захотелось рассказать про деревенскую жизнь во время войны. Про это есть много картин, но у меня своя история. Вместе с Сашей Буравским мы написали сценарий «В созвездии быка». Именно быка, потому что бык — главный герой, помимо людей. Хотелось бы снять этот фильм. На носу 75 лет. Но дело в том, что я этот возраст — душой, по крайней мере, — не ощущаю. Я говорю: возраст режиссера определяется только экраном! На экране видно: старый человек снял кино или молодой. Если посмотреть мои последние фильмы — «Какая чудная игра», «Ретро втроем», «Анкор, еще анкор!» — это все картины, которые мог снять тридцатилетний человек.

Встречался
Константин ТАРАСОВ